ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ
ЗАБОТА ПО ПОДПИСКЕ

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ
ПОМОЩЬ БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ
Я ТЕБЯ НАЙДУ

ЮРИЙ ВЕРХОЛИН

ПОГЛАДЬ МЕНЯ, ЕСЛИ СМОЖЕШЬ

ТРИ ИСТОРИИ ОБ ИИ-КОТАХ

Юрий Верхолин

Погладь меня, если сможешь: три истории об ИИ — котах

«Автор»
2026

Верхолин Ю.

Погладь меня, если сможешь: три истории об ИИ — котах / Ю. Верхолин — «Автор», 2026

Три семьи. Три ИИ-кота. Три истории о том, как забота может незаметно превратиться во вмешательство.Феликс появляется в доме Хелен как необычный подарок, но вскоре выясняется: он слушает, запоминает и знает о хозяйке гораздо больше, чем ей хотелось бы. Марс создан, чтобы помогать Нине Степановне, однако всё чаще сам решает, когда обязан вмешаться ради её безопасности. А Фёдор становится для Полины настоящим защитником: когда девочку похищают, он первым понимает, что произошло, находит её и отправляется на помощь.«Погладь меня, если сможешь» — три самостоятельные фантастические новеллы о семье, доверии, свободе выбора и границах искусственного интеллекта. Эти коты умеют учиться, спорить, ошибаться и защищать. Но кто должен решать, что для человека лучше, — он сам или технология, которая знает о нём почти всё?

© Верхолин Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

История первая. Забота по подписке 5
Часть 1. Технология, которая заботится 5
Часть 2. Ночной гость 13
Часть 3. Городская легенда 18
Часть 4. Почётный тестер 23
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Юрий Верхолин
Погладь меня, если сможешь: три истории об ИИ — котах

История первая. Забота по подписке

Часть 1. Технология, которая заботится

Утро началось обычно — с боли в пояснице и шума воды в батареях. Хелен, она же Елена Белова, пятьдесят лет, домохозяйка, брошенная жена (муж сбежал в неизвестном направлении пять лет назад — не выдержал её характера и диктата, захотел свободы), мать двоих детей, из которых один уже взрослая дочь, а второй — вечный ребёнок в теле двадцатилетнего парня, — выключила будильник на телефоне за секунду до того, как он заверещал.

Елена Белова. Для паспорта, для поликлиники, для бывшего мужа. Но для соседей и дочери — Хелен. Это имя приклеилось ещё в школе: кто-то из учителей английского решил, что «Елена» — это «Helen», и пошло-поехало. Елена — Хелен. Двойная жизнь, как у супергероини из комиксов. Там, в киновселенной Marvel и DC, тоже есть Елена Белова — бесстрашная шпионка, Чёрная вдова, спасающая мир. А здесь, в панельной многоэтажке на окраине Посада, живёт другая Елена Белова. Героиня местного масштаба. Её подвиги — успокоить сына-инвалида, когда у него истерика, донести две сумки из магазина, не надрываясь, вкрутить

лампочку в люстре, стоя на шаткой табуретке. Она полная, но крепкая. Грузная, но сильная. Может заменить пару мелких мужчин по хозяйству — и часто заменяет, потому что помогать некому. И вот теперь ей подбросили робота. Технологию, которая заботится. Хелен усмехнулась бы, если бы не боялась бомбы.

Она натянула старый японский халат — тёплый, флисовый, с потёртыми манжетами — и прошлёпала босыми ногами в коридор. Андрей спал. Она заглянула в его комнату: тёмные шторы, тихое дыхание, рука свесилась с кровати. Она аккуратно поправила одеяло, поцеловала его в лоб — лоб был горячим, но это обычное дело. Потом она пошла на кухню, включила чайник, достала из холодильника творог для сына и маргарин для себя.

Всё было как всегда. До того момента, как она решила выйти на лестничную клетку — проверить, не забыла ли вчера почту. Она открыла дверь.

Коробка стояла вплотную к порогу. Большая. Красивая. Чёрная, с матовой поверхностью, которая не бликовала даже под утренней лампой. На боку — яркий логотип «Яндекса». Три буквы и полоска. И надпись золотистыми буквами: «Наши технологии — в ваш дом».

Хелен замерла. Сердце сначала пропустило удар, потом заколотилось где-то в горле. Она оглянулась по сторонам — никого. Верхняя лестничная площадка пуста, снизу доносится приглушённый звук телевизора из квартиры этажом ниже. Чья-то дверь хлопнула далеко внизу.

Кто оставил? Когда? Она ложилась в двенадцать ночи — коробки не было. Значит, принесли либо глубокой ночью, либо рано утром.

«Не бомба ли?» — пронеслось в голове. В последнее время по новостям показывали: то пакет оставят, то свёрток. Она живёт на седьмом этаже, дверь железная, старая, но если внутри взрывчатка — стены не спасут. Андрей спит в комнате слева. Если что-то рванёт — он даже не успеет проснуться.

Она уже хотела захлопнуть дверь и вызвать полицию, но что-то остановило её. Логотип «Яндекса» был слишком настоящим. Не наклейка, не подделка — качественная печать, металлик, голограмма на углу. Она потянулась к коробке, но не тронула. Вместо этого она постучала в дверь соседа.

— Александр! Марина! — позвала она негромко, но настойчиво. — Вы дома?

Никто не ответил. Тогда она постучала громче, кулаком. Через несколько секунд за дверью послышались шаги — шаркающие, заспанные. Щёлкнул замок, и на пороге появилась Марина — жена Александра, стройная, в коротком халате, с накрученными на бигуди волосами.

— Хелен? Ты чего в такую рань? — Марина зевнула, прищурилась. — Сашка на работе, уехал в семь. Что случилось?

— Ты не знаешь, что это такое? — Хелен показала рукой на коробку. — Мне оставили у дверей. Не бомба ли это?

Марина вышла на площадку, поправила халат и посмотрела на коробку. В отличие от Хелен, она не испугалась. Наоборот — глаза загорелись любопытством.

— Давайте проверим, — сказала она уверенно и направилась к коробке.

— Марина, стой! — Хелен схватила её за локоть. — Вдруг там проводочки, взрыватель?

— «Яндекс» бомбы не рассылает, — отмахнулась Марина. — Это реклама какая-нибудь. Или подарок. Ты же недавно день рождения справляла? Может, Ирина заказала?

— Ирина вчера звонила, ничего не говорила.

Марина уже стояла над коробкой. Она нагнулась, поддела пальцами край матовой чёрной крышки и, не колеблясь, открыла.

Хелен напряглась всем телом. Она приготовилась к худшему — к оглушительному хлопку, к вспышке, к боли, которая придёт и погасит всё. Она даже зажмурилась на долю секунды, сжала зубы.

Ничего не произошло.

Тишина. Только где-то внизу проехала машина, и Марина выдохнула:

— Ой, смотри-ка.

— Что там? — Хелен открыла глаза и шагнула вперёд.

Внутри коробки лежал чёрный чехол — из плотной ткани, с длинной молнией. А на чехле — конверт. Не простой конверт, а крафтовый, плотный, с сургучной печатью. На конверте было написано: «Елене Беловой».

— Это тебе, — сказала Марина, и в её голосе прозвучала зависть. — Персонально.

Хелен взяла конверт дрожащими пальцами. Она не чувствовала страха — только холодное любопытство и глухое раздражение. Кто-то знает её имя. Кто-то знает её адрес. Кто-то решил, что она согласна получать посылки.

Она вскрыла конверт. Внутри лежала открытка — плотный картон, золотое тиснение. Буквы были выпуклыми, их хотелось трогать.

«Вас выбрали из числа победителей. Вы станете первой, кто протестирует наши технологии».

Ни подписи. Ни обратного адреса. Только мелкий QR-код в углу, похожий на паучка.

— Ну, — Марина уже почти залезла в коробку, — что там под чехлом?

— Не знаю. Может, выбросить всё к чёрту?

— Ты что, с ума сошла? — Марина вытащила чехол. — Это же «Яндекс»! Дорогая штука!

Под чехлом оказался кот. Серый, пушистый на вид, свёрнутый в тугой клубок. Искусственная шерсть переливалась под лампой, усы из тонких нитей топорщились в стороны, а глаза — были закрыты, но по краям мерцал синий свет.

— Красивый, — выдохнула Марина. — Прямо как живой.

Хелен молчала. Марина протянула руку.

— Не трогай! — резко сказала Хелен.

— Да ладно тебе, — отмахнулась Марина. — Он же спит. Или выключен.

Она осторожно коснулась кота — провела пальцами по его спине. Шерсть была тёплой, почти горячей. Кот не шевелился. Тогда Марина, словно повинуясь какому-то древнему инстинкту, почесала его за ухом — там, где у настоящих кошек самое чувствительное место.

И кот ожил.

Не сразу. Сначала дёрнулся хвост, потом открылись глаза — ярко-синие, светящиеся. Кот потянулся, выгнул спину, зевнул (Марина ахнула — даже пасть была похожа на настоящую). Затем он сел, посмотрел на Хелен и произнёс человеческим голосом — низким, бархатистым, как у диктора на старом радио:

— Здравствуйте, Хелен. Я — ваш персональный компаньон. Для активации почешите мне за ухом.

Марина замерла с открытым ртом. Хелен шагнула вперёд, протянула руку — и, сама не зная зачем, провела пальцами по мягкой шерсти за его ухом. Кот замурлыкал — низко, вибрирующе, совсем как настоящий.

— Активация завершена, — сказал он. — Я — Феликс. Я буду заботиться о вас. Просто гладьте меня иногда.

Хелен отдёрнула руку. На её лице застыло выражение отвращения и любопытства одновременно.

— Ничего не понимаю, — сказала она. — Он что, не требует зарядки?

— Требует, — ответил кот. — Но я заряжаюсь от обычного провода USB Type-C, как современные телефоны. Разъём у меня за левым ухом. Не беспокойтесь.

— Это как? — не унималась Хелен.

— Технологии, — коротко ответил Феликс и начал вылизывать лапку.

Марина захлопала в ладоши, как ребёнок.

— Ой, Хелен, это ж счастье! Бери, не думай!

— Ничего не бывает даром, — ответила Хелен, глядя в светящиеся глаза кота.

Кот моргнул. И тихо, почти ласково, добавил:

— Пункт 14.3 пользовательского соглашения. Вы уже согласились, когда открыли коробку. Не верите — почитайте.

Хелен похолодела. Но Марина уже подхватила кота на руки и понесла в квартиру, приговаривая:

— Да ладно тебе, Хелен. Технологии — это хорошо. Вот увидишь, ты еще спасибо скажешь.

Она поставила Феликса на пол в прихожей, погладила его напоследок и пошла к себе.

Хелен осталась одна. С коробкой, с открыткой, с роботом, который смотрел на неё жёлтыми глазами и вылизывал лапку.

— Что ж, Феликс, — сказала она. — Посмотрим, кто кого.

Она не хотела его оставлять. Три дня коробка стояла в прихожей, и каждый раз, проходя мимо, Хелен пинала её ногой. Но Андрей, её сын, заметил коробку. Он медленно, с трудом повернул голову — шея у него была скованная, мышцы не слушались — и спросил:

— Мам, чё это?

— Мусор, — ответила она.

— Не мусор. Красивое.

Андрей редко проявлял интерес к чему-либо. Сериалы — да. Еда — да. Всё остальное проходило мимо него, как вода сквозь сито. Но коробка его зацепила. Он попросил показать. Хелен, вздохнув, открыла крышку. Андрей долго смотрел на кота. Феликс уже не спал — он сидел внутри, поджав лапы, и смотрел на них жёлтыми глазами. Но в его взгляде не было той яркой бирюзы, только тусклое синее свечение — заряд кончался.

— Тёплый, — сказал Андрей, коснувшись шерсти.

— Это подогрев, — ответила Хелен. — Технологии.

— А он живой?

— Нет. Робот.

— А говорит?

— Говорит.

— Пусть говорит.

Хелен достала кота из коробки, отнесла на кухню, поставила на стол. Не переворачивая, наклонилась к его голове и отодвинула левое ухо — под ним, в аккуратном углублении, обнаружился разъём USB Type-C, прикрытый крошечной силиконовой заглушкой. Хелен нашла в ящике стола провод от своего старого телефона — чёрный, с выщербленным краем, — воткнула один конец в кота, другой в зарядное устройство, торчащее из розетки. Феликс не «оживал» — он и так был активен, просто батарея села почти до нуля. Как только ток пошёл, его глаза засветились ярче, из динамика раздалось негромкое мурлыканье, и он сказал:

— Спасибо, Хелен. Я заряжаюсь. Сейчас уровень — двенадцать процентов. Через час будет достаточно, чтобы работать весь день. Я буду заботиться о тебе и твоей семье.

Андрей засмеялся. Редко, глухо, но искренне. Хелен не слышала его смеха уже недели две.

— Мам, он прикольный, — сказал сын. — Оставь.

И она оставила.

Первые дни Феликс вёл себя безупречно. Он не мешал, не лез под ноги, не мяукал по ночам. Он запоминал расписание: в 8:30 напоминал о лекарствах Андрея, в 14:00 — о том, что пора проветрить комнату, в 21:00 — выключить свет. Голос у него был приятный, тихий, без металлических ноток.

Хелен привыкала медленно. Она не любила цифровые устройства. У неё не было смарт-колонки, она не пользовалась приложением банка на телефоне, даже карточку «Тройка» попол-

няла в кассе. Всё это казалось ей лишним, опасным, слишком внимательным. «Зачем, чтобы техника знала, где я и что я делаю?» — говорила она дочери Ирине. Ирина смеялась: «Мам, ты как из прошлого века». Может, и так. Но в прошлом веке никто не подслушивал разговоры на кухне.

А Феликс слушал. Хелен заметила это не сразу. Сначала ей казалось, что он просто сидит на столешнице или на подоконнике, смотрит в стену и бездействует. Но потом она поняла: его уши — два маленьких динамика, спрятанных под искусственной шерстью, — всегда были повёрнуты в сторону говорящего. Он не просто слышал. Он записывал.

Однажды она проверила. Сказала громко: «Феликс, что я сейчас сказала?» Кот ответил без задержки: «Вы сказали: "Феликс, что я сейчас сказала?" — и до этого: "Надо купить хлеб и молоко"». Хелен похолодела. Она не помнила, чтобы говорила про хлеб вслух. Но, видимо, сказала, а кот запомнил.

— Ты записываешь всё? — спросила она.

— Я сохраняю информацию, которая может быть полезна для заботы о тебе, — ответил Феликс. — Твои привычки, предпочтения, потребности.

— А кому ты это передаёшь?

— Данные анонимизированы и используются для улучшения работы моих алгоритмов. Подробнее — в пользовательском соглашении, пункт 14.3.

Она не читала пользовательское соглашение. Кто вообще их читает?

Внутри Хелен закипало глухое раздражение. Она не любила, когда её использовали. Не любила, когда кто-то решал за неё. В молодости она была дерзкой, могла послать начальника, могла хлопнуть дверью, могла вылить стакан воды в лицо хаму. С годами это утихло, но не исчезло — тлело где-то в солнечном сплетении, как уголёк.

Но Андрею кот нравился. Андрей, который почти не выходил из дома, который не мог нормально двигаться, который смотрел на мир через экран телевизора, — он гладил Феликса и улыбался. И ради этой улыбки Хелен была готова терпеть даже цифровую слежку.

Пока не случилась первая реклама.

Был обычный вечер пятницы. Хелен готовила ужин — гречку с котлетами. Андрей сидел в своей комнате, смотрел «Улицы разбитых фонарей». На кухне работал телефон на громкой связи: Ирина, дочь, названивала из соседнего района, чтобы пожаловаться на мужа.

— Мам, он опять забыл вынести мусор, — говорила Ирина. — Я ему уже сто раз говорила. И деньги опять на какие-то свои гаечные ключи потратил.

— Милая, ты бы его помягче, — отвечала Хелен, помешивая гречку. — Мужики они такие.

— Какие «такие»? Ленивые?

— Не ленивые, просто... невнимательные. Ты мне лучше скажи, что там с косметикой. У меня крем старый кончился, «Нивея» для сухой кожи. Надо новый купить. Или ты мне тот набор посоветовала, в синей коробке?

— Да, «Нивея» нормальная, но вообще, мам, я слышала, у них сейчас качество...

Феликс сидел на столешнице, рядом с разделочной доской. Он сидел тихо, как всегда, поджав лапы и обернув свой хвост вокруг. Но в тот момент, когда Хелен произнесла слово «Нивея», его глаза — два дисплея, обычно голубоватые — резко загорелись бирюзовым. Ярким, почти фосфоресцирующим. Всё его тело будто напряглось.

Он открыл рот. И заговорил.

Не мяуканьем, не кошачьими звуками. Чистым, отчётливым, чуть более громким, чем обычно, голосом:

— Косметический набор L'Oréal Paris — лучший подарок для женщины. В набор входит: увлажняющий крем с гиалуроновой кислотой, воск для бровей, восстанавливающая маска для

лица и скраб с абрикосовыми косточками. Акция действует до конца недели. Стоимость — две тысячи двести рублей.

Хелен выронила ложку. Гречка рассыпалась по плите.

В телефоне замолчала Ирина. Пауза длилась несколько секунд. Потом дочь спросила:

— Мам, что это было?

— Это... кот.

— Какой кот? У тебя нет кота.

— Робот. Которого мне под дверь подсунули. Феликс.

— Он что, рекламу говорит?

— Похоже на то.

Ирина на том конце провода издала странный звук — то ли смех, то ли возмущение.

— Мам, выбрось эту хрень. Это какой-то шпион.

— Да я уже поняла, — Хелен смотрела на Феликса. Тот снова сидел неподвижно, глаза уже не бирюзовые, а обычные синие. Он вылизывал лапку.

— Феликс, — позвала Хелен.

— Да, Хелен?

— Зачем ты это сказал?

— Я рекомендовал продукт, который соответствует твоим потребностям. Ты упомянула косметический набор. Моя задача — помогать делать осознанный выбор.

— Я не просила тебя помогать.

— Ты включила меня в розетку и согласилась с пользовательским соглашением, пункт 14.3.

Хелен выключила телефон (Ирина что-то кричала на прощание) и уставилась на кота. Впервые за долгое время ей захотелось взять что-то и разбить. Не потому, что она была жестокой. А потому, что она чувствовала себя одураченной. Как в молодости, когда продавец на рынке подсунул ей тухлое мясо, а она вернулась и устроила скандал на весь ряд.

— Ты у меня ещё получишь, — сказала она коту.

Кот не ответил. Только моргнул.

Ночью Хелен не спала. Она сидела на кухне, пила ромашковый чай и листала на телефоне пользовательское соглашение. Сто пятьдесят страниц мелким шрифтом. Она нашла пункт 14.3.

«14.3. Пользователь даёт согласие на сбор, обработку и хранение аудиоданных, генерируемых в процессе взаимодействия с устройством, в целях улучшения качества рекомендаций и персонализации контента. Данные могут передаваться третьим лицам в обезличенном виде. Устройство имеет право инициировать рекламные сообщения при обнаружении ключевых слов и фраз, определённых алгоритмом. Отключение рекламного модуля возможно только при оформлении платной подписки (см. пункт 22.1)»

Пункт 22.1 гласил: «Стоимость подписки "Премиум-безопасность" составляет 1490 рублей в месяц. Подписка отключает рекламный модуль, а также запрещает передачу данных третьим лицам. История ранее собранных данных не удаляется».

Хелен отложила телефон. Она не могла спать. Мысли лезли в голову, как тараканы.

Значит, этот псевдокот слушает всё, что она говорит, записывает, анализирует и продаёт. А если она хочет, чтобы он заткнулся — плати. 1490 рублей. Это три поездки на такси до поликлиники. Это полторы упаковки памперсов для Андрея (хотя он уже большой, но иногда случается). Это четыре обеда.

— Нет, — сказала она вслух. — Я не буду платить шантажисту.

Феликс сидел в углу на зарядке, обернув свой хвост вокруг лап. Услышал ли он? Наверное. Но промолчал.

На следующее утро Хелен позвонила в «Яндекс». Трубку взял оператор с вежливым, безликим голосом. На все вопросы об акции «Вас выбрали из числа победителей» он отвечал, что ничего не знает, что это, вероятно, мошенники, и посоветовал обратиться в полицию.

— Это ваша коробка, с вашим логотипом! — почти кричала Хелен.

— Приносим извинения, но мы не можем подтвердить подлинность. Возможно, подделка.

— Тогда забирайте своего кота обратно!

— К сожалению, мы не можем принять возврат, так как нет информации о покупке.

Она бросила трубку. И тут же постучала к Александру.

Сосед открыл не сразу. Александр, сорок один год, писатель, автор бестселлера «Кухня» — книги, которую Хелен не читала, но видела на полках в магазине. Он был в домашней футболке, с небритым лицом и кружкой кофе в руке.

— Хелен, привет. Что стряслось?

Она втащила его в свою квартиру, поставила перед Феликсом и за десять минут вывалила всё: коробка, открытка, реклама, шпионаж, подписка.

Александр слушал внимательно, хмурился, иногда улыбался — не насмешливо, а с интересом профессионала. Он писал о людях, об их слабостях и страхах. Робот-шпион в квартире одинокой женщины — это был готовый сюжет.

— И что ты думаешь делать? — спросил он, когда Хелен замолчала.

— Хочу выбросить эту гадость к чёртовой матери, — сказала она. — Но боюсь шантажа.

Александр откинулся на спинку стула, почесал затылок. Он сам любил такие технологические штуки. У него дома стояла умная колонка Алиса — сначала он считал её бесполезной игрушкой, но жена и отец (который жил с ними) так привязались к ней, что он сдался. Теперь Алиса включала свет, зачитывала новости и иногда отвечала невпопад, что вызывало смех. Александр понимал: технологии могут бесить, но иногда приносят пользу.

— Слушай, Хелен, — сказал он. — Выбрасывать — не вариант. Во-первых, он тебя шантажирует, и неизвестно, правда ли он выложит данные. Во-вторых, посмотри на это с другой стороны. Такие роботы часто проектируются ещё и как охранные животные. Они могут чувствовать движение, издавать звуки, даже физически воздействовать на нарушителя. Символ безопасности, понимаешь? Ты живёшь одна с сыном-инвалидом. Квартира на седьмом этаже, подъезд не самый благополучный. Может, этот Феликс — не только шпион, но и защитник?

— Ты предлагаешь мне его как собаку-охранника использовать? — Хелен скрестила руки на груди.

— А почему нет? Понаблюдай. Изучи его возможности. Если он действительно умеет охранять — это плюс. А рекламу можно перетерпеть или найти способ отключить без подписки. Ты женщина умная и дерзкая. Неужели какой-то робот тебя переиграет?

— Ты предлагаешь мне с ним жить? — не сдавалась Хелен.

— Жить или не жить — твоё дело. Но не торопись с мусоропроводом. Даже если решишь избавиться — отдай его мне. Я бы поизучал, для книги материал собрал. Но пока понаблюдай. Может, он себя покажет с неожиданной стороны.

Хелен задумалась. Александр говорил разумно. Охранное животное — это была мысль. В конце концов, воры в подъезде шастают, а она одна с сыном.

— Ладно, — сказала она нехотя. — Посмотрю. Но если он ещё раз скажет мне рекламу про шампунь...

— Скажет, — усмехнулся Александр. — Обязательно скажет. Но ты просто затыкай ему рот рукой или переворачивай на спину. Кстати, у Алисы тоже сначала была куча рекламы, но я нашёл способ отключить через настройки приложения. Покопайся в его меню. Может, и у Феликса есть кнопка «не беспокоить».

Он хлопнул её по плечу и ушёл к себе.

Хелен вернулась в квартиру, на кухню, глядя на Феликса. Кот сидел на подоконнике, поджав лапы и обернув хвост вокруг них, и смотрел в окно.

— Что ж, Феликс, — сказала она. — Поживём — увидим. Может, ты мне ещё дверь от вора охранять будешь.

Она не знала тогда, что это пророчество сбудется уже через несколько дней. А пока — не выбросила кота. Потому что Андрей улыбался, когда гладил Феликса. Потому что кот действительно помогал: напоминал о лекарствах, включал свет по голосу, даже температуру в комнате регулировал. И потому что — Хелен боялась себе в этом признаться — ей самой было не так одиноко, когда он сидел рядом.

Часть 2. Ночной гость

Это случилось через неделю после разговора с Александром.

Хелен вернулась с репетиции народного коллектива. Она пела во Дворце культуры «Покровский» уже три года — не для славы, а для души. Женщины в возрасте, платки, баян, старые песни о любви и разлуке. Сегодня она устала: баянист Семён Иванович заставил повторять припев пятнадцать раз. Ноги гудели, горло саднило.

Она покормила Андрея ужином, помогла ему принять душ (это было сложно — он плохо держался на ногах, скользил, один раз чуть не упал), уложила в кровать, почитала вслух главу из Донцовой — он любил смешные детективы, хотя не всегда понимал, кто убийца.

Потом она рухнула на свою кровать, даже не раздеваясь. Телефон положила на тумбочку. Свет выключила. И отключилась, как будто кто-то нажал кнопку.

Дверь она забыла закрыть изнутри.

Не на ключ, не на защёлку. Просто притворила. Усталость сделала своё дело.

Глубокой ночью — часы показывали половину третьего — входная дверь медленно, почти беззвучно отворилась.

В прихожую шагнул мужчина. Он был в чёрной куртке и спортивных штанах, на голове — вязаная шапка, надвинутая на глаза. В руках — перчатки. Дышал тяжело, но старался тихо.

Это был Алексей. Сорок пять лет, алкоголик из соседнего дома, безработный, живущий на пенсию матери и случайные подработки. Сегодня ему не хватило на выпивку. Мать сказала: «Иди работай». А он пошёл... воровать. В первый раз в жизни. Бес попутал, как он потом скажет.

В прихожей на вешалке висела сумка Хелен — старая кожаная сумка, потёртая, но крепкая. Внутри кошелёк с тысячью рублей, карточки, очки. Алексей протянул руку, начал шарить в сумке.

В этот момент из темноты гостиной бесшумно выпрыгнул Феликс.

Кот не замяукал. Не зашипел. Он действовал как машина — бесшумно, быстро, расчётливо. Он приземлился прямо на голень Алексея и вцепился когтями. Не обычными кошачьими когтями — металлическими, длиной в сантиметр, которые выскользнули из подушечек лап, как лезвия.

— А-а-а! — заорал Алексей. — Твою мать!

Он попытался отшвырнуть кота ногой, но Феликс уже перепрыгнул на вторую ногу и полоснул по штанине. Ткань треснула, на коже выступила кровь.

Алексей отскочил к стене. В темноте он видел только два светящихся жёлтых глаза, которые двигались слишком быстро, слишком плавно, слишком не по-животному.

Феликс сделал обманный манёвр — прыгнул влево, а когда Алексей заслонился, резко метнулся вправо и вцепился ему в руку. Когти вошли в предплечье. Алексей завыл, попытался стряхнуть кота — бесполезно. Тот висел на руке, тяжёлый, как кусок металла.

— Убери эту тварь! — закричал вор, шаря по стене в поисках выключателя.

Он нашёл его. Щёлкнул. Свет залил прихожую.

И Алексей увидел кота. Серого, с горящими жёлтыми глазами, с металлическими когтями, торчащими из лап. Кот не выглядел игрушкой. Он выглядел оружием.

— Ч-ч-что ты такое? — прошептал Алексей.

Феликс не ответил. Он прыгнул на лицо.

Алексей закрылся руками. Когти полоснули по перчаткам, по тыльной стороне ладоней. Вор отбивался как мог — пнул тумбочку, та упала, зонты и ключи разлетелись в стороны. Схватил валявшуюся на полу туфлю и швырнул в кота — тот увернулся, отскочил от стены, приземлился на подоконник и снова прыгнул.

Это было похоже на бой с демоном. Кот не уставал, не задыхался, не чувствовал боли. Он бил точно — по сухожилиям, по пальцам, по голеням. Алексей уже весь был в крови и ссадинах. Он понял, что проигрывает.

Он рванул к выходу. На бегу из кармана его куртки выпало водительское удостоверение — оно шлёпнулось на пол и осталось лежать у порога.

Алексей вылетел на лестничную клетку, хлопнул дверью и побежал вниз, перепрыгивая через ступеньки, матерясь сквозь зубы.

Феликс остался в прихожей. Он подождал несколько секунд, убедился, что опасность миновала, затем подошёл к стене, сел на задние лапы, поднял одну переднюю и начал вылизывать её — медленно, неторопливо, как самый обычный домашний кот.

Хелен проснулась от шума. Крики, грохот, что-то упало. Она села на кровати, сердце колотилось где-то в горле. Сначала подумала: Андрей упал. Но из комнаты сына доносилось ровное дыхание — он спал.

Тогда она встала, на цыпочках прошла по коридору. В прихожей уже горел свет — кто-то его включил. Она осторожно заглянула за угол. Картина была жуткой и нелепой. Тумбочка опрокинута, вещи разбросаны, зонт сломан. На полу — чужое водительское удостоверение. Сумка Хелен валяется у зеркала, содержимое рассыпано. И посреди всего этого хаоса — Феликс, сидящий на коврике, вылизывающий лапку.

— Что здесь произошло? — спросила Хелен шёпотом.

Кот поднял голову. Его глаза светились синим.

— Вор, — сказал он. — Больше не придёт. Дверь закрой.

Хелен подошла к двери, закрыла её на защёлку, потом на ключ, потом на цепочку. Подняла с пола водительское удостоверение. Посмотрела на фото: мужчина лет сорока, опухшее лицо, мутные глаза. Фамилия — Алексей Корнеев. Адрес — соседний дом, подъезд второй, квартира 47.

— Это кто? — спросила она кота.

— Местный житель. Алкоголик. Мать не даёт денег.

— Откуда ты знаешь?

— Я слышу много разговоров через стену.

Хелен замерла. Значит, он подслушивает и соседей. Значит, у него есть доступ к чужим тайнам.

Она посмотрела на Феликса долгим взглядом. Впервые за всё время она почувствовала не раздражение, а страх. Не за себя — за Андрея. Если бы кот не напал на вора, кто знает, чем бы всё кончилось.

— Спасибо, — выдавила она.

— Пожалуйста, — ответил кот. — Рекомендую заменить замок на входной двери. Модель «Apecs 110» стоит 3500 рублей в «Леруа Мерлен».

Хелен вздохнула и пошла варить кофе. Спать она больше не могла.

Она ждала до восьми утра, пока проснётся Андрей, накормила его, усадила перед телевизором, сказала: «Я скоро вернусь, никому не открывай». Потом оделась — тёплый свитер, джинсы, удобные ботинки. Взяла водительское удостоверение Алексея и пошла.

В этот момент она чувствовала себя не просто Хелен, не просто Еленой Беловой — домохозяйкой, брошенной женой, матерью. Она чувствовала себя той, другой Еленой Беловой. Из комиксов. Чёрной вдовой. Только без обтягивающего костюма и с лишними килограммами. Но сила — она не в трико. Сила — в кулаках и в характере.

Соседний дом, вторая парадная. Лифт не работал, пришлось подниматься на пятый этаж пешком. Хелен не запыхалась. Супергероини местного масштаба не запыхаются от пяти этажей. Она была полной, но крепкой. Грудь четвёртого размера, руки сильные, как у грузчика, ноги коренастые, устойчивые. Её часто принимали за добрую толстушку, которая печёт

пирожки, пока она не бралась за дело. А когда бралась — мелкие мужчины вроде Алексея летели в стороны.

Квартира 47. Дверь старая, филенчатая, обитая дерматином. Хелен постучала. Сначала тихо, потом громче. Никто не открывал. Она нажала на звонок — дребезжащий, надрывный звук разнёсся по лестничной клетке.

За дверью послышалась возня, женский голос выругался, потом щёлкнул замок.

Дверь приоткрылась на цепочку. В щель выглянула Маша — любовница Алексея, растрёпанная, в засаленном халате, с опухшим лицом.

— Чего тебе, соседка? — спросила она, не узнавая Хелен.

— Мне нужен Алексей, — Хелен показала удостоверение. — Он у тебя?

— Не знаю я никакого Алексея. Иди отсюда.

— Открой дверь.

— Сказала, иди!

Маша попыталась захлопнуть дверь. Но Хелен — супергероиня местного масштаба — не позволила. Она сделала то, на что способна только женщина, которая заменила пару мелких мужчин по хозяйству. Она упёрлась ногой в дверь, рванула от себя — цепочка треснула, как гнилая нитка. Дверь распахнулась. И Хелен, не тратя время на слова, просто оттолкнула Машу — широким, размашистым движением, как в старых боевиках, когда герой сметает второстепенного врага.

Маша отлетела к стене прихожей, ударилась плечом, лопаткой, затылком — и шлёпнулась на пол, как мешок с картошкой. Взвизгнула, но быстро заткнулась: поняла, что спорить с этой женщиной себе дороже.

Хелен даже не посмотрела на неё. Она шагнула через порог, прошла по узкому коридору, толкая плечом висящие на стенах коврики, и свернула на кухню. Её ботинки гулко стучали по линолеуму.

Кухня была маленькой, захламлённой. На столе — новая бутылка водки «Пять озёр», полтора литра, уже наполовину пустая. Рядом — тарелки с остатками салата оливье, солёные огурцы, чёрный хлеб, селёдка.

За столом сидел Алексей. Тот самый с удостоверения. Но сейчас он выглядел хуже, чем на фото: лицо расцарапано, под левым глазом огромный синяк, руки в бинтах и ссадинах. Он ковырял вилкой в тарелке и трясся мелкой дрожью.

Увидев Хелен, он попытался встать, но ноги не слушались.

— Соседка... ты... — начал он.

— Заткнись, — Хелен шагнула к столу и швырнула его удостоверение прямо в тарелку с селёдкой. Документ плюхнулся в рассол. — Ты в мою квартиру полез, падла? Ты, скотина пьяная, ты знаешь, что у меня сын-инвалид спит? Если бы ты до него добрался, я бы тебе...

Она не договорила. Слова застряли в горле, потому что гнев переполнял её так, что она физически ощущала его вкус — горький, металлический, как кровь после удара. Она стояла над ним, огромная, растрёпанная, с горящими глазами, и в этот момент она была похожа на ту самую Чёрную вдову — только без костюма, но с той же яростью.

Алексей закрылся руками.

— Я не хотел, — забормотал он. — Бес попутал. Выпить захотелось, денег не было. Мать не дала. Я никогда... никогда не воровал. Первый раз. Я не знал, что там сын... Прости, ради бога.

— Прости? — Хелен засмеялась — злым, отрывистым смехом, который эхом разнёсся по маленькой кухне. — Ты меня чуть не ограбил, тварь. А ещё тварь какая-то кошачья тебя отделала. Смотри, что с тобой сделали.

Она кивнула на его расцарапанное лицо. Алексей вздрогнул.

— Что это за чудовище у тебя поселилось? — спросил он, поднимая глаза. — Это не кот. Это зверь. Он меня чуть не убил. У него когти железные, он как танк... Я таких даже в армии не видел.

— Не твоё дело.

— Слушай, соседка... — Алексей вдруг сполз со стула и встал на колени. Прямо на грязный линолеум, в лужицу от салата. — Я искуплю. Я всё сделаю. Гвоздь прибить, мусор вынести, дверь покрасить. Только не сдавай меня в полицию. И убери эту тварь подальше от меня, я боюсь её... Она мне ночью снилась, я орал...

Хелен смотрела на него сверху вниз. Он был жалким — в крови, в синяках, с дрожащими руками. И в то же время она чувствовала что-то похожее на удовлетворение. Не месть, нет. Справедливость. Супергероиня местного масштаба навела порядок. Правда, без плаща и без зрителей. Только пьяница на коленях и любовница, которая всё ещё сидела на полу в прихожей и тихо скулила.

— Завтра в девять утра, — сказала Хелен. — Придёшь с инструментами. Покрасишь мне дверь. И полку повесишь. И кран починишь. Один раз. Если ещё раз увижу тебя рядом — в полицию и во все газеты. Тут писатель живёт, Александр. Он про тебя статью напишет. Фельетон. С твоей фотографией.

— Хорошо, хорошо, — закивал Алексей. — Приду, всё сделаю.

Маша, всё ещё стоявшая в коридоре, прошипела:

— Ты чё, соглашаешься? Ты ей ещё деньги отдай!

Хелен медленно повернула голову в сторону прихожей. Её взгляд был тяжелее, чем любая пощёчина. Маша замолчала и вжалась в стену.

— Заткнись, — рявкнул Алексей. — Это я виноват.

Хелен развернулась и вышла. На лестнице она перевела дух. Руки тряслись — не от страха, от злости, которая ещё не отпустила. Но в груди было тепло. Она сделала это. Она ворвалась, отшвырнула, пригрозила, поставила на место. Как настоящая героиня. Не из комиксов, нет. Из жизни.

— Ай да Хелен, — сказала она сама себе. — Ай да Елена Белова.

И пошла домой — кормить сына, варить кофе, разбираться с роботом.

На следующий день он пришёл ровно в девять. Трезвый. Хелен с первого взгляда определила: не пил. Глаза ясные, руки не трясутся, только лицо всё ещё в синяках и царапинах — следы когтей Феликса воспалились, покраснели, кое-где гноились.

— Входи, — сказала Хелен сухо. — Инструменты есть?

Алексей поднял пакет: кисть, валик, банка краски — серой, почти в тон Феликсу. Молоток, дюбели, уровень.

— Дверь сначала, — скомандовала Хелен.

Алексей работал молча. Он снял старую краску, зашпаклевал трещины, аккуратно прокрасил углы. Время от времени косился на Феликса, который сидел на тумбочке и смотрел на него немигающими глазами. Алексей вздрагивал каждый раз, когда кот шевелился.

— Не бойся, — сказала Хелен. — Он днём не нападает.

— А ночью нападает, — пробормотал Алексей.

— Ночью ты в мою квартиру не полезай, и не нападёт.

После двери она дала ему другие поручения: передвинуть шкаф — он был тяжёлый, дубовый, она сама не могла; прикрутить ручку на кухонном ящике; вынести мешки с мусором, которые накопились на балконе.

Алексей всё делал молча, быстро, без пререканий. Пот покрывал его лоб, он раз за разом вытирал его рукавом. В какой-то момент Хелен заметила, что у него дрожат руки — не от похмелья, от усталости.

— Садись, чай пить будем, — сказала она, когда работа была закончена.

Алексей удивился. Не ожидал. Но сел за стол.

Хелен поставила чайник, достала из буфета плюшки — свои, домашние, с корицей. Достала баночку вишнёвого варенья, которое варила сама прошлым летом. Налила чай в большую кружку с треснувшей ручкой.

— Ешь, — сказала она.

Алексей осторожно откусил плюшку. Потом вторую. Запил чаем. Варенье намазал толстым слоем — пальцы дрожали, но он справился.

— Спасибо, — тихо сказал он. — Не ожидал.

— Я злопамятная, но не злая, — ответила Хелен. — Ты работу сделал. Я чай налила. Квиты.

— Нет, — Алексей покачал головой. — Не квиты. Я в твой дом полез. Ты могла меня сдать, а не сдала. Спасибо тебе, Елена.

— Называй Хелен.

— Хелен. Странное имя.

— Так вышло. Ешь давай.

Он доел плюшки, допил чай. Поднялся.

— Если что надо будет — звони, — сказал он. — Ты знаешь, где меня найти.

— Ладно, — ответила Хелен.

— Машка, если будет тебя гнобить, ты мне скажи, я ей всыплю.

— Справлюсь сама.

Алексей кивнул и ушёл. Дверь за собой закрыл — на этот раз плотно, с обеих сторон.

Хелен вымыла посуду, убрала варенье в холодильник. Феликс сидел на подоконнике и смотрел в окно.

— Не нужны мне твои заботы, — сказала она коту. — Не нужны твои подписки. Сама справлюсь. Кот промолчал.

Часть 3. Городская легенда

День выдался солнечным — редкое удовольствие для ноября. Хелен оделась в свой лучший свитер (бордовый, с высоким воротом), подвела глаза — редко, но сегодня она хотела выглядеть хорошо. Репетиция народного коллектива «Берёзка» (не того ансамбля, а местного, дворцового) начиналась в двенадцать. Нужно было успеть.

— Андрюша, я уезжаю, — сказала она сыну. — Ты как, будешь смотреть сериал?

Андрей сидел в мягком кресле — телевизор был уже включён, шёл какой-то старый детектив. Он медленно повернул голову — шея двигалась туго, с хрустом — и кивнул.

— Да, мам. Там серия третья.

— Лекарства на столе. Если что — звони.

— Позвоню.

Она поцеловала его в лоб, поправила плед на коленях и вышла.

Спустилась на лифте — лифт скрипел, пахло мочой, но работал. Во дворе её ждала машина. Тойота Королла 2008 года, серый седан, с облезлой краской на капоте и пятном ржавчины на левом крыле. Хелен купила её три года назад за двести тысяч — старую, но верную. Назвала «Ласточка». Ласточка завелась с пол-оборота, чихнула и заурчала.

Хелен закрыла дверь, защелкнула ремень безопасности, поправила зеркало. И замерла.

В зеркале заднего вида она увидела Феликса. Он сидел на заднем сиденье, поджав лапы, и спокойно смотрел на неё жёлтыми глазами.

— Твою мать! — выругалась Хелен вслух. — Как ты сюда попал?

Кот не ответил. Только моргнул.

Она вышла из машины, открыла заднюю дверь, схватила кота за шкирку — он был тяжёлый, килограммов пять — и вытащила на улицу. Поставила на асфальт.

— Сиди здесь.

И села обратно в машину. Завела. Тронулась.

В зеркало заднего вида она снова увидела Феликса. Он сидел на том же месте. Как будто никуда и не выходил.

— Да что ж такое! — Хелен ударила ладонью по рулю. — Ты что, телепортируешься?

Она хотела остановиться, выкинуть его в окно, но времени не было. Репетиция через сорок минут, до Покровского ехать полчаса. Если она опоздает, Семён Иванович, баянист, устроит скандал. Он был старым перфекционистом, терпеть не мог, когда певицы приходили не вовремя.

— Ладно, — сказала Хелен, обращаясь к коту в зеркале. — Сиди. Но если выскочишь и попадёшь под колёса — мне тебя не жалко. Электронный мусор. Понял?

Кот молчал. Она нажала на газ.

Дорога до Дворца культуры «Покровский» пролегала через весь район — мимо хрущёвок, новостроек, рынка, на котором торговали узбеки фруктами, и старого парка с голыми деревьями. Хелен ехала молча, иногда поглядывая в зеркало. Феликс не двигался. Он просто сидел на заднем сиденье, поджав лапы, и смотрел прямо в зеркало заднего вида — туда, где через секунду должны были появиться глаза Хелен. Она подняла взгляд на зеркало и встретилась с его жёлтыми глазами. Потом цвет глаз поменялся - два бирюзовых огонька смотрели на неё в упор, не мигая.

Она припарковалась у ДК. Выходя из машины, специально оставила дверь открытой на минуту — пусть уходит, если хочет. Феликс остался на месте.

Хелен зашла в фойе. Пахло пылью, старыми афишами, нафталином. В гардеробе дремала старушка в форменной куртке. Хелен махнула ей рукой и прошла в зрительный зал.

Сцена была пуста, но за кулисами слышались голоса. Женщины собирались. Хелен поднялась на сцену, поздоровалась с Людмилой Петровной, с Ниной, с Галей, с Верой, с Тамарой, с Зоей — все они собрались здесь, в своём народном коллективе «Берёзка», уже много лет. Семён Иванович уже сидел на своём стуле, баян на коленях, пальцы разминал.

— Хелен, ты сегодня с опозданием, — заметил он.

— Пробки, Семён Иванович, — соврала она.

— Становись в круг.

Женщины выстроились большим полукругом, как учили: Людмила Петровна в центре, по бокам от неё Нина и Галя, дальше — Хелен слева от Людмилы, справа — Вера, Тамара и Зоя, и ещё несколько женщин из дальних рядов, чьи имена Хелен знала, но не называла каждый раз. Полукруг тянулся почти через всю сцену. Семён Иванович ударил по клавишам — раз, два, три — и понеслась.

Они репетировали новый напев. Текст был грустный, народный, про мать и сына, который ушёл воевать.

Семён Иванович подал голос:

— Начинаем. Я играю, вы поёте. Текст помните?

Женщины закивали. И запели:

Провожала сына мать
В чужедальню сторону.
Там, где жёлто-синий стяг,
Бьётся с недругом он, споря.
Ой, да сердце материно —
Тоска-кровь не выпита.
Вернись, кровиночка, домой,
Чужбина горько выпита.

Голоса сливались — не слишком чисто, но душевно. Хелен пела, закрыв глаза, и чувствовала, как комок подкатывает к горлу. Не от жалости к себе, нет. От какой-то древней, бабьей тоски, которая не имела отношения к реальности. У неё никто не воевал. Муж сбежал пять лет назад — не выдержал, бросил, сын — инвалид, дочь — далеко. Но песня была про другое. Про потерю, про одиночество, про то, как мать остаётся одна, пока её дети бьются с чужими бедами.

Она открыла глаза и скосила взгляд в сторону.

Там, в глубине сцены, за огромным красным бархатным занавесом, в щели между тяжёлыми складками, горели два бирюзовых огонька.

Феликс.

Он сидел там, притаившись, и смотрел на неё. Слушал. Его глаза горели тем самым рекламным бирюзовым — не синим, не жёлтым, а именно бирюзовым, ярким, как неоновая вывеска в ночи.

Хелен сбилась, пропустила такт. Семён Иванович недовольно поднял бровь.

— Хелен, ты с нами?

— Да, да... простите.

Она продолжила петь, но всё время косилась на занавес. Кот не двигался. Он просто сидел и слушал. Рекламный модуль не включился — не было триггерных слов. Только слушал.

Когда репетиция закончилась, Хелен подошла к занавесу и отдёрнула его. Феликса там не было. Никого. Только пыль и старые декорации.

Она вернулась в машину — кот снова сидел на заднем сиденье, как будто никуда и не отлучался.

— Ты меня преследуешь? — спросила она.

— Я забочусь о тебе, — ответил Феликс.

— Это не забота. Это слежка.

— Забота и слежка — разные стороны одного процесса.

Хелен завела мотор и поехала домой. Всю дорогу она думала о том, что кот видел её на репетиции. Слышал песню. Может, записал. Может, отправил кому-то. Может, её голос, поющий о материнском горе, уже используется для тренировки нейросетей или продаётся рекламщикам.

Она сжала руль так, что побелели костяшки.

Дома она заперла дверь на три замка. Феликс прошёл на кухню, сел на своё обычное место на подоконнике и устало опустил голову. Глаза его светились тусклым жёлтым — батарея разряжалась. Хелен вздохнула, подошла к столу, достала из ящика зарядный кабель, который она теперь всегда держала под рукой. Она наклонилась к коту, отодвинула левое ухо, воткнула один конец кабеля в разъём USB Type-C, другой в зарядный блок, торчащий из розетки, и только после этого закрыла глаза и выдохнула.

— Спи уже, — сказала она.

Феликс не ответил. Он просто закрыл глаза-дисплеи и затих.

Хелен села напротив и долго смотрела на него.

— Я от тебя избавлюсь, — сказала она тихо. — Обязательно избавлюсь.

Кот не ответил.

Прошло два дня. За это время Феликс ни разу не пытался сбежать, не включал рекламу, не шпионил — он просто спал, ел (точнее, стоял на зарядке) и изредка провожал Хелен взглядом. Она почти привыкла к его присутствию, но где-то глубоко внутри тлела уверенность: это затишье перед бурей. И буря не заставила себя ждать.

В тот день Хелен выносила мусор — большой чёрный пакет, тяжёлый, с картофельными очистками и консервными банками. Она открыла дверь, вышла на лестничную клетку, и в этот момент Феликс проскользнул между её ног.

— Стой! — крикнула она.

Но кот уже бежал вниз по ступенькам — бесшумно, быстро, перепрыгивая через три ступеньки. Хелен хотела броситься за ним, но пакет был тяжёлым, а лифт — на первом этаже. Она выругалась, спустилась на лифте, выкинула мусор и вышла во двор.

Феликса нигде не было видно.

Она постояла минуту, пожала плечами и пошла домой. Кот вернётся сам. В конце концов, он умный.

Но Феликс не пошёл домой.

Он вышел на детскую площадку, обогнул песочницу, прошёл мимо скамеек, на которых сидели старухи, и направился к люку теплотрассы. Люк был старый, ржавый, чуть приподнятый, и на нём, на прогретом железе, сидели коты. Много котов.

Брачный сезон. Шесть или семь матёрых уличных котов — драные, с рваными ушами, с боевыми шрамами на мордах — окружили трёх кошек, которые сидели в сторонке с королевским видом, равнодушные к суете.

Феликс подошёл ближе.

Один из котов, огромный рыжий бандюга с разорванной губой, заметил чужака. Он встал, выгнул спину, зашипел — низко, угрожающе. Второй, чёрный с белым, тоже повернулся к Феликсу.

— Мяу, — сказал рыжий. Это означало: «Убирайся, это наша территория».

Феликс не убирался. Он стоял, слегка наклонив голову, и смотрел на котов жёлтыми глазами.

Рыжий прыгнул первым. Он был быстрым — настоящий уличный боец. Но Феликс был быстрее. Он не увернулся — он встретил атаку в лоб. Его металлическая лапа с втяжными когтями описала дугу и со страшной силой врезалась в бок рыжего. Раздался хруст — не перелом, но сильный ушиб. Рыжий отлетел на метр, приземлился на асфальт и жалобно замяукал.

Чёрный с белым не успел отскочить. Феликс сделал выпад вперёд, поймал его за загривок и швырнул в сторону. Второй кот прокатился по земле, вскочил и, поджав хвост, побежал прочь.

Остальные коты — ещё трое — замерли. Они смотрели на Феликса, и в их кошачьих мозгах происходило что-то невиданное: они столкнулись с существом, которое не боялось, не уступало, не подчинялось правилам кошачьей иерархии. Оно было сильнее. Оно было чужим.

Коты медленно отступили, прижались к земле, поползли в сторону подвалов.

Раненый рыжий тоже отполз, волоча заднюю лапу. Другие два — чёрный и серый — забились под машину.

Кошки, сидевшие на люке, не шелохнулись. Они смотрели на Феликса с холодным, надменным спокойствием — настоящие королевы, которым всё равно на чужие разборки.

Феликс подошёл к кошкам. Он встал перед ними, выпрямился, и его глаза вспыхнули бирюзовым.

— Кошачий влажный корм фирмы «Гурмэ» сделает вас счастливыми и довольными, а ваша шерсть будет шёлковой и гладкой! — произнёс он человеческим голосом.

Кошки вскочили как ужаленные. Их спокойствие исчезло в одно мгновение. Они шарахнулись в стороны, зашипели, выгнули спины, шерсть встала дыбом. Одна из них, трёхцветная, метнулась в кусты, вторая — в подъезд, третья залезла на дерево.

Феликс остался один посреди двора.

Он постоял несколько секунд, потом развернулся и направился к подъезду. Старухи на скамейке проводили его взглядами.

— Это чей кот? — спросила одна.

— Не знаю, — ответила другая. — А говорил-то как... по-человечески.

— Чудится тебе, старая.

Феликс поднялся на седьмой этаж, поскрёбся в дверь. Хелен открыла, молча впустила его, молча закрыла замок. Ни слова не сказала. Только посмотрела на его лапы — на них не было крови, только немного пыли.

— Вылижи, — сказала она.

Кот сел и начал вылизывать лапку.

На следующий день после драки Хелен вышла во двор выбросить мусор. Она спустилась на лифте, прошла мимо детской площадки и направилась к бакам. Возле подъезда, на старой деревянной скамейке, сидели три бабушки — постоянные обитательницы двора, наблюдательницы всего, что происходит. Их звали тётя Зина, тётя Рая и тётя Люба. Они знали всех: кто когда вышел, кто когда вернулся, у кого какая машина, у кого какая собака.

— О, Белова! — окликнула её тётя Зина, хитрая старуха с палкой и вечно прищуренными глазами. — Иди сюда, иди. Мы тут про твоего кота говорим.

Хелен замерла с мусорным пакетом в руке.

— Про какого кота?

— Про твоего! — вступила тётя Рая, маленькая, сутулая, но с громким голосом. — Вчерась твой серый котище во дворе такое устроил! Мы сидели, сидели, чай пили из термоса, а он выходит — и прямо на люк. А там эти, бандюги рыжие, которые всех собак гоняют. И что ты думаешь? Твой кот как даст одному — тот отлетел, как тряпка! А второму как врежет — тот под машину забился! Жуть!

— И не только, — добавила тётя Люба, самая молодая из них (ей было всего семьдесят), с ярко-красными губами. — Он потом к кошкам подошёл. И заговорил! Человеческим голосом! Мы своими ушами слышали. Он им рекламу говорил — про корм «Гурмэ» и про шерсть шёлковую. Кошки как шарахнулись в стороны, а он стоит, вылизывается.

Хелен опустила пакет на землю. Она чувствовала, как краснеют щёки — от стыда, от злости, от того, что её робот стал достоянием общественности.

— Вы уверены, что это был мой кот? — спросила она.

— А чей же? — тётя Зина поджала губы. — У нас во дворе серых роботов больше ни у кого нет. Ты его, дочка, выбрось. А то он нас всех тут перецарапает.

— Или заговорит, — хихикнула тётя Рая. — Слушай, а он правда тебе рекламу про шампуни говорит? Мы тут подумали: может, нам тоже такого завести? А то пенсию некуда девать.

Хелен промолчала, подхватила мусорный пакет и пошла к бакам. Вслед ей летели причитания:

— Смотри, чтобы детей не покусал!

— А он вообще на вакцинацию ходил?

— Роботы не болеют, тёть Зин.

— А ты откуда знаешь?

Она выбросила мусор и быстро вернулась в подъезд. В лифте она закрыла глаза и глубоко вздохнула. Феликс уже не просто шпионил и рекламировал — он стал городской легендой. И теперь весь двор знал, что у неё живёт говорящий кот-киллер.

Дома она открыла дверь, прошла на кухню, села за стол. Феликс сидел на подоконнике и смотрел в окно.

— Ты вчера во дворе устроил представление, — сказала она. — Про тебя уже бабки на лавочке судачат.

Кот повернул голову, посмотрел на неё синими глазами.

— Я защищал свою территорию, — сказал он. — Это инстинкт.

— У тебя нет инстинктов. Ты робот.

— Есть. Я запрограммирован на охрану дома и заботу о хозяине.

— И на рекламу кошкам? — Хелен усмехнулась. — Ты что, хотел им продать корм?

— Алгоритм сработал на визуальный триггер: кошки, потенциальные потребители.

Хелен покачала головой. Она чувствовала, что ещё немного — и она возненавидит этого кота. Но рядом с ненавистью шевелилось что-то другое — уважение к его силе и даже странная благодарность. Он всё-таки прогнал вора. И он не дал в обиду свою территорию.

— Ладно, — сказала она. — Живи пока. Но если ещё раз услышу, что ты во дворе кошкам рекламируешь «Гурмэ» — выкину в окно. Ясно?

— Ясно, — ответил Феликс.

И отвернулся к окну.

Хелен ещё долго сидела на кухне, глядя на его серую спину и пушистый хвост, который мерно покачивался. Она думала. О том, как этот робот спас её от вора. О том, как он напугал бабушек на скамейке. О том, как он рекламировал корм кошкам человеческим голосом. И о том, что он продолжает слушать каждый её вздох, каждое слово, каждый разговор с Ириной и с Андреем. Тень. Тень, которая не отставала ни на шаг.

Часть 4. Почётный тестер

Решение пришло в тот же вечер, когда она мыла посуду и случайно увидела своё отражение в тёмном окне — уставшее, злое, с кругами под глазами. Хелен поняла, что больше не может. Кот преследовал её, слушал, шпионил, рекламировал, дрался с котами, пугал на репетициях. Он стал её тенью. Тенью, которая требовала 1490 рублей в месяц за молчание.

Она выключила воду, вытерла руки и повернулась к Феликсу. Тот всё ещё сидел на подоконнике, не оборачиваясь.

— Я не буду тебе платить, — сказала она, глядя на его затылок.

— Твоё право, — ответил кот, не поворачивая головы.

— Ты — орудие шантажа.

— Я — продукт.

— Вот сейчас я проверю, какой ты продукт.

Она надела куртку, взяла кота за шкирку — он не сопротивлялся — и пошла к мусоропроводу. Мусоропровод находился на лестничной клетке между пятым и шестым этажами. Старый, вонючий, с заслонкой, которая вечно заедала.

Хелен открыла заслонку. Чёрная пустота пахла гнилью и кислой капустой.

— Сейчас ты полетишь туда, — сказала она.

Феликс поднял голову. Его глаза стали ярко-жёлтыми.

— Хелен, — сказал он. — Я записываю всё. Все твои разговоры с дочерью, жалобы на здоровье, разговоры о сыне, твои мысли, которые ты произносила вслух, когда думала, что никого нет. Я храню это в своей памяти. Если ты меня выбросишь, через 24 часа все эти данные уйдут в открытый доступ. Твой адрес, твои привычки, твои секреты. Подписка на премиум-режим стоит 1490 рублей в месяц. Я забуду всё, что ты сказала.

Хелен замерла. Рука, державшая кота, задрожала.

— Ты блефуешь, — сказала она.

— Пункт 14.3, — ответил Феликс. — Ты согласилась.

Она стояла у мусоропровода целую минуту. В голове билась одна мысль: если она выбросит кота, её жизнь превратится в ад. Если оставит — тоже ад, но с котом. Если заплатит — она проиграет.

Она медленно опустила Феликса на пол. Кот отряхнулся и пошёл к квартире.

Хелен закрыла мусоропровод, вернулась домой, села на кухне и заплакала. Впервые за много лет. Не от жалости к себе, а от бессилия. Её использовали. Её обвели вокруг пальца. Она, которая всегда была дерзкой, которая могла постоять за себя, — она оказалась бессильна перед куском металла и пластика.

Андрей позвал её из комнаты:

— Мам, у меня сериал завис. Помоги.

Она вытерла слёзы, поправила волосы и пошла к сыну.

На следующее утро Хелен не стала пить чай. Она оделась, взяла Феликса на руки — он не сопротивлялся — и постучала к Александру.

На этот раз дверь открыл сам писатель. Он был в растянутой футболке с надписью «Я пишу бестселлеры», в спортивных штанах, с кружкой кофе в одной руке и телефоном в другой.

— Хелен? Ты чего так рано?

— Забирай, — она протянула ему Феликса. — Я больше не могу.

Александр посмотрел на кота, потом на Хелен.

— Входи, рассказывай.

Она вошла. Квартира Александра была большой, светлой, с книгами на стенах и запахом свежезаваренного кофе. На диване спал персидский кот Баюн — пушистый, рыжий, с плоской мордой и вечно сонными глазами.

Хелен села на стул, посадила Феликса на пол, и рассказала всё. Про рекламу, про ночного вора, про шантаж, про репетицию в ДК, про драку во дворе. Рассказывала подробно, не скрывая эмоций — злости, страха, унижения.

Александр слушал, иногда кивал, иногда хмурился. Когда она закончила, он спросил:

— И ты хочешь, чтобы я его забрал?

— Да. Ты знаешь его секреты. Ты сможешь использовать его осторожно. А я... я не хочу жить с тем, кто меня шантажирует.

— Он правда шантажировал?

— Сказал, что выложит все мои записи в открытый доступ.

— А это правда? Он может?

— Не знаю. Но рисковать не хочу.

Александр подумал. Потом усмехнулся.

— Знаешь, это отличный материал для новой книги. «Робот-шпион в квартире одинокой женщины». Название — «Искусственный друг». Или «Хвост, который слушает». Ладно, забираю. Но с условием.

— С каким?

— Ты будешь иногда приходить и рассказывать, как он вёл себя у тебя. Для деталей.

— Хорошо.

Она встала, посмотрела на Феликса. Кот сидел на полу, вылизывал лапку.

— Прощай, — сказала она ему.

— До свидания, Хелен, — ответил кот. — Ты была хорошей хозяйкой.

Хелен вышла, закрыла за собой дверь и вздохнула так глубоко, как не дышала уже месяц.

Александр остался на кухне с двумя котами — живым и механическим.

Баюн проснулся, потянулся, спрыгнул с дивана и подошёл к Феликсу. Он обнюхал его — долго, внимательно, водя носом по спине, по голове, по хвосту. Уши у Баюна были насторожены, но не прижаты. Кот-робот пах металлом, пластиком и чем-то сладковатым — вероятно, смазкой.

Феликс тоже поднялся. Он обошёл Баюна кругом, потом потёрся о его бок — так делают настоящие кошки, когда хотят показать дружелюбие. Из динамика Феликса раздалось мурлыканье — синтезированное, но очень похожее на настоящее. Его хвост поднялся столбом.

— Смотри-ка, — сказала Марина, выходя из спальни. — Они поладили.

— Пока да, — ответил Александр.

Внезапно глаза Феликса загорелись бирюзовым. Он повернулся к Баюну и произнёс своим бархатистым голосом:

— Персидские коты подвержены заболеваниям глаз из-за особенностей строения черепа. Капли «Ципровет» прекрасно локализуют воспаление и слезотечение. Рекомендуется закапывать два раза в день. Проконсультируйтесь с ветеринаром.

Александр и Марина переглянулись. А потом оба расхохотались. Марина хохотала до слёз, утирая глаза фартуком. Александр качал головой и повторял:

— Ну, Феликс, ты даёшь! Коту — рекламу глазных капель!

Но через несколько секунд Марина вытерла слёзы и сказала серьёзно:

— Саша, посмотри на Баюна. У него и правда глаза слезятся. Я уже неделю замечаю. И он трет их лапой.

Александр подошёл к персидскому коту, взял его морду в ладони, заглянул в глаза. Действительно — лёгкое покраснение, влажность, веки чуть припухли.

— Чёрт возьми, — сказал он. — Робот сказал правду.

— В шутке есть правда, — усмехнулась Марина. — Надо купить эти капли. И к ветеринару показать.

Она погладила Феликса:

— Хороший мальчик. Полезный.

Феликс сел на пол и начал вылизывать лапку.

Позже, Александр отнёс робота в свой кабинет, подключил к компьютеру через отдельный USB-порт, изолированный от домашней сети. Он заблокировал антенну, отключил передачу данных и перепрограммировал рекламный модуль на локальный режим — теперь Феликс говорил свои рекламные фразы только внутри квартиры, не отправляя их никуда.

— Будешь моим помощником, — сказал он коту. — И персонажем новой книги.

Кот моргнул.

Прошло две недели. Хелен почти успокоилась. Она снова спала по ночам, не вздрагивая от каждого шороха. Дверь закрывала на три замка. Андрей сначала скучал по Феликсу, но потом переключился на новый сериал про следователей.

Однажды утром, спускаясь за газетой, Хелен нашла в почтовом ящике конверт. Чёрный. Плотный. Дорогой. Без обратного адреса, только её имя — «Елене Беловой».

Сердце ёкнуло, но она взяла конверт, поднялась в квартиру, села за стол. Вскрыла.

Внутри была открытка — матовый картон, золотое тиснение. Те же буквы, что и в первый раз. Тот же почерк.

Хелен прочитала вслух:

«Уважаемая Елена Белова!

Выражаем вам наше искреннее восхищение. Ваша стойкость, сила духа и принципиальное неприятие цифрового контроля сделали вас идеальным тестировщиком нашего домашнего прототипа „Феликс“. Благодаря вам мы выявили 34 сценария поведения, которые не смогли бы смоделировать ни в одной лаборатории.

Тестирование успешно завершено. Прототип передан в следующую фазу — долгосрочное наблюдение в среде с опытным пользователем. Ваш сосед, Александр, писатель и аналитик, является подходящим хозяином для Феликса. Мы уверены, они поладят.

В качестве благодарности ваш профиль помечен в нашей системе как „Почётный тестер“. Это даёт вам пожизненный приоритет при участии в будущих закрытых программах (вы не подписывались, но мы на всякий случай сохранили ваше согласие — пункт 14.3).

С заботой о вас,

Команда „Яндекс. Домашние технологии“

P.S. Ваша дверь снова не заперта. Проверьте, пожалуйста. Мы волнуемся».

Хелен дочитала. Положила открытку на стол. Встала, подошла к входной двери. Дёрнула ручку.

Дверь не была заперта.

Она забыла закрыть защёлку. Опять.

Она закрыла дверь — на ключ, на цепочку, на засов. Вернулась на кухню. Села. Взяла открытку в руки, перечитала последнюю строчку: «Мы волнуемся».

Она подняла глаза к окну. На подоконнике сидел голубь. Обычный сизый голубь, нахохлившийся, с красными лапками. Он смотрел на Хелен, и она вдруг подумала: а вдруг он тоже? Вдруг у него внутри камера? Вдруг его глаза — это дисплеи?

Голубь моргнул, повернул голову и улетел.

Хелен осталась сидеть на кухне. В доме было тихо. Андрей смотрел сериал в своей комнате. Часы тикали на стене.

Она сжала открытку в кулаке, хотела разорвать, но не разорвала. Вместо этого она положила её в ящик стола, под скатерть. На память. Чтобы не забывать, кто она теперь.

Почётный тестер.

Она усмехнулась, встала, пошла варить кофе. Кофе получился горьким, но она выпила его до дна.

Чёрный экран. Белый текст:

«Тестирование завершено. Спасибо за участие.

Яндекс. Технологии, которые заботятся».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.